

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 112—122.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 2. P. 112—122.

Научная статья

УДК 327(47+57+485)"1920/24"

EDN <https://elibrary.ru/nmjjiwd>

DOI: 10.46726/H.2025.2.12

БОРЬБА ДИПЛОМАТОВ РСФСР/СССР ЗА ПРИЗНАНИЕ ШВЕДИЕЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920—1924 ГГ.

Егор Андреевич Решетов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, girlanda1999@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная история установления официальных советско-шведских дипломатических отношений в 1924 году. Особое внимание обращено на усилия, которые предпринимали официальные лица РСФСР/СССР по налаживанию связей с Шведским королевством, начиная с 1920 года. Отмечена роль в этом процессе советских дипломатов М.М. Литвинова, П.М. Керженцева, Н. Осинского (В.В. Оболенского). Выделены препятствия на пути двустороннего диалога. Показана динамика и этапы в изменении позиции правящей элиты Швеции по вопросу о признании РСФСР/СССР де-юре на протяжении 1920—1924 годов. В частности, изменение воззрений лидеров влиятельной в королевстве Шведской социал-демократической партии во главе с К.Я. Брантингом. Статья частично основана на архивных материалах, которые вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: советско-шведские отношения, признание де-юре, Л.Б. Красин, М.М. Литвинов, П.М. Керженцев, В. Осинский (В.В. Оболенский), К.Я. Брантинг, Э. Трюгер, Густав V

Для цитирования: Решетов Е.А. Борьба дипломатов РСФСР/СССР за признание Швецией советского государства в 1920—1924 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 112—122.

Зимой 1920 г. в международном положении Советской России произошли два важных события. Первое — 16 января Верховный совет Антанты принял решение о начале торговых операций с РСФСР через кооперативные организации [Шишкин 1989: 125], что по факту означало снятие военно-экономической блокады большевистского государства, о которой страны Согласия официально объявили 10 октября 1919 г., но которую на практике проводили с конца 1917 г., постепенно ужесточая [Там же: 54—110]. Блокада в сочетании с Гражданской войной оказалась, по признанию советских чиновников, весьма эффективна, сведя внешнюю торговлю РСФСР «в полном смысле слова» «на нет» [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 786: 34]. Вторым важным изменением в международном положении РСФСР стал советско-эстонский мирный договор, подписанный в Тарту (Юрьеве) 2 февраля 1920 г. и 31 марта дополненный торговым соглашением [ДВП СССР Т. 2: 430—432]. Москва и Ревель (Таллинн) признавали друг друга де-юре и устанавливали полномасштабные дипломатические и экономические отношения. Эстонская столица стала одним из перевалочных центров внешнеторговых операций большевиков. В том числе, со Швецией. Вообще,

деловые круги этого королевства установили торговые отношения еще в 1918 г. [Шишкин 1989: 48—51]. Позже большевики вовлекали шведов в полулегальные торговые операции с Веймарской Германией, а также закупали через них вооружения для Красной армии [Черноперов, Решетов 2024: 111]. Отмеченные экономические контакты были эпизодическими и не вели к прорыву в отношениях Стокгольма и Москвы. В этих условиях большевики сделали большую ставку на Центросоюз (Центральный союз потребительских обществ Российской Федерации), который после снятия блокады получил возможность вести внешнеторговые операции. В Москве была создана делегация, которую возглавил нарком торговли и промышленности Леонид Борисович Красин. Весной 1920 г. сотрудники Центросоюза, большая часть которых были сотрудниками наркомата торговли и промышленности и наркомата по иностранным делам, выехала в турне по странам Европы. Одной из остановок стал Стокгольм. Шведы проявили большой интерес. Итогом стали соглашения от 15 мая 1920 г., подписанные представителями РСФСР с концерном из 14 крупнейших шведских фирм, с паровозостроительной компанией «А.Б. Нюдквист и Хольм» и с правительством [ДВП СССР Т. 2: 516—530]. Согласно договоренностям: 1) представители Москвы при депонировании в банках Швеции 25 млн. крон золотом получали возможность приобретать в королевстве товары на 100 млн. крон в течение 14 месяцев; 2) Советская Россия должна была получить 1000 паровозов; 3) происходил обмен торговыми миссиями: в Москве отрывалось представительство шведского Всеобщего экспортного объединения, в Стокгольме — представительство Центросоюза.

Шведов к договорам с большевиками (а там вряд ли строили иллюзии, что за Центросоюзом стоят официальные советские власти) подталкивали объективные обстоятельства: 1) тяжелое положение промышленности (в 1920 г. только 23,6 % предприятий Швеции были полностью загружены, еще у 25 % заводов в основных отраслях мощности были задействованы не более чем на четверть [Ловцов 1990: 159]; 2) растущая международная конкуренция за открывающийся российский рынок; 3) возможность дополнительных прибылей при обмене большевистского золота на твердую валюту [Шишкин 1989: 159].

Договоры, подписанные со шведами, означили прорыв т. н. «золотой блокады» — отказ ведущих банков западных стран принимать золото из большевистского государства в виде залога или платежа. Уже 20 сентября 1920 г. член делегации Центросоюза и одновременно один из руководителей Наркомата по иностранным делам Максим Максимович Литвинов (Валлах Меир Хенех Моисеевич) сообщил руководству о том, что с согласия Л.Б. Красина договорился с директором банка «Свенска эконо Акценбологед» Улоф Ашбергом «на комиссионных началах» «перевести из Ревеля» и реализовать «через американский монетный двор полмиллиона рублей» [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 6. Д. 15: 9—10].

Соглашение от 15 мая и договоренности с Ашбергом способствовали росту поставок из РСФСР золота в Швецию и/или транзиту драгметалла через Стокгольм в другие страны. В конце 1920 года только в «Нордиска Хандельс-banken» большевики поместили 20 тонн драгоценного металла и еще 10 тонн подготовили для отправки [Иголкин 2004: 35].

Расширившиеся торговые операции, однако, не подвигали Швецию к укреплению дипломатического взаимодействия. По мнению В.А. Шишкина, Стокгольм стремился выдержать паузу в ожидании выработки единой позиции Антанты и других стран в отношении Советской России [Шишкин 1979: 62]. Именно эту линию проводило находившееся у власти с 10 марта 1920 г.

правительство во главе с социал-демократом Карлом Яльмаром Брантингом. Этот премьер-министр враждебно воспринял приход большевиков к власти. Пост министра иностранных дел в его кабинете занимал также член СДПШ Эрик Куле Пальмшерна, прозванный за свое аристократическое происхождение «красным бароном». В конце октября 1920 г. правительство Брантинга ушло в отставку. Король Густав V назначил премьер-министром до новых парламентских выборов, намеченных на осень 1921 г., внепартийного барона Герхарда Луи де Гира. Этот либерально настроенный политик, не питая больших симпатий к большевистскому режиму и осознавая временность своего пребывания во главе правительства, также не стремился стимулировать договорной процесс с РСФСР, которая продолжала добиваться «если не дипломатических, то [хотя бы] полуофициальных сношений» [ДВП СССР Т. 2: 691]. Итоги развития двусторонних связей НКВД зафиксировал в годовом отчете VIII Съезду Советов (проходил с 22 по 29 декабря 1920 г.). Сотрудники НКВД, памятуя о майских соглашениях 1920 г. о расширении экономических связей, с мало скрываемым раздражением констатировали: «Уступая двойному нажиму — со стороны рабочих и промышленников, шведское правительство проявляло склонность пойти на <...> соглашение, но, вследствие внутреннего кризиса, оно вынуждено было подать в отставку. Пришедшее ему на смену министерство известного социал-предателя Брантинга и лакея Франции “социал-демократического” барона Пальмшерна сразу заняло крайне враждебную позицию по отношению к рабочей России и делало все от него зависящее для затруднения соглашения» [Там же]. По словам составителей отчета, кабинет Брантинга-Пальмшерна, оберегая шведских рабочих от «тлетворного влияния» большевиков, отказывался вступать в какие-либо переговоры с органами советской власти, согласившись лишь пустить в Швецию делегатов от Центросоюза [Там же]. Еще одним скромным достижением в двустороннем диалоге стало признание Фредрика Стрёма шведским правительством в качестве советского консула [Кан 1999: 193].

В Москве надежды на прорыв в отношениях со Стокгольмом появились в начале 1921 г. Г.Л. де Гир в феврале неожиданно ушел в отставку. Король Швеции Густав V назначил главой правительства еще одного независимого политика Оскара Фредерика фон Сюдова. Тот согласился занять кресло премьера лишь после обещания СДПШ о поддержке его политики. В ожидании перемен РСФСР сформировала делегацию во главе с известным революционером, с 1920 г. сотрудником НКВД Платоном Михайловичем Керженцевым (Лебедевым) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 106: 1]. Его заместителем стал революционер болгарского происхождения, с 1920 г. торговый представитель РСФСР в Германии Борис Спиридонович Стомоняков. Кстати, помимо отношений со Швецией делегация во главе с П.М. Керженцевым имела полномочия вести переговоры с Данией и Норвегией. Москва назначением своих переговорщиков явно намекала скандинавам на готовность развивать в неразрывной связке взаимовыгодные торговые и дипломатические отношения.

Тринадцатого февраля 1921 г. Керженцев в статусе полномочного представителя РСФСР вместе с женой прибыл в Стокгольм. Граф Антон Магнус Херман Врангель, получивший в правительстве О. фон Сюдова портфель министра иностранных дел, принял советского дипломата весьма любезно [Жуковский 1986: 261]. Между тем 16 марта 1921 г. Великобритания, а 6 мая того же года Германия подписали с РСФСР торговые договоры, тем самым признав Советскую Россию де-факто. Опираясь на соглашения, эти страны стали

расширять экономические связи с большевистским государством и занимать экономические ниши, на которые могла претендовать Швеция. Происходящее тревожило деловой мир королевства. Кстати, сами шведские предприниматели торговые дела с большевиками продолжали вести. В том числе в снабжении ими Красной армии [Черноперов, Решетов 2024: 112—113].

Керженцев, желая подтолкнуть шведов к переговорам, 4 июля 1921 г. направил Врангелю телеграмму, в которой сообщал, что уполномочен начать переговоры о торговом договоре [ДВП СССР Т. 4: 210]. Однако ответа не последовало.

Что касается ведущей парии Швеции — социал-демократической, то ее лидеры не ослабляли антисоветского настроя. Газета «Известия» 15 мая 1921 г. сообщала читателям о том, что лидер СДПШ Брантинг в своей первомайской речи заявил о советской угрозе, «особенно для прибалтийских государств» [Известия: 15.05.1921].

В дипломатических отношениях со шведами у большевиков наблюдался полный штиль. На позицию Стокгольма не повлияло даже заключение Керженцевым 2 сентября 1921 г. торгового соглашения с Норвегией [ДВП СССР. Т. 4: 298—303], которое широко обсуждалось в скандинавской прессе. В том числе потому, что норвежское правительство согласилось на наименование главы миссии РСФСР в их стране полномочным представителем (полпредом) [Там же: 305] — дипломатическим рангом, который придумали большевики, и которого не было в общепринятой классификации. На фоне прорыва в советско-норвежских отношениях газета «Известия», затронув диалог Москвы и Стокгольма, 20 сентября 1921 г. с сожалением констатировала: в течение двух с лишним месяцев шведское правительство «не дало отчета на предложение товарища Керженцева о переговорах» [Известия: 20.09.1921].

В октябре 1921 г. в Швеции состоялись парламентские выборы. Победу праздновали социал-демократы, что позволило их лидеру Брантингу 13 октября сформировать второе правительство под своим руководством. Причем премьер-министр занял еще кресло министра иностранных дел. К этому времени воззрения Брантинга претерпели определенные изменения. Свидетельством чему стала его декларация, озвученная в день создания кабинета. В ней содержалось «указание на готовность нового правительства начать переговоры с советским [правительством]» [Там же: 15.10.1921].

Через 3 дня после создания в Швеции правительства, 16 октября 1921 г. заместитель наркома по иностранным делам РСФСР М.М. Литвинов, который в это время по совместительству занимал в Эстонии должность полпреда, в телеграмме главе НКВД Георгию Васильевичу Чичерину (копия председателю Совнаркома Владимиру Ильичу Ленину (Ульянову)) сообщил, что к нему в Ревель приехал У. Ашберг [ДВП СССР Т. 4: 431—432]. Во время встречи этот банкир сообщил, что «от имени своего друга премьера Брантинга» имеет поручение проговорить с советским представителем вопросы признания большевистского правительства Швецией. Причем де-юре (!). Сам Ашберг базой для установления полномасштабных двусторонних отношений считал «признание [Россией] старых долгов, т. е. полмиллиарда крон, при одновременном кредите в один миллиард крон в виде займа». Кроме того, он допускал принятие предложения Литвинова об ипотеке на национализированные дома. В завершении разговора Ашберг предложил Литвинову отбыть в Стокгольм для продолжения переговоров.

Заместитель главы НКВД в столицу Швеции не поехал, но изменение позиции Брантинга способствовало началу 25 октября 1921 г. переговоров о торговом договоре с советской делегацией во главе с Керженцевым. Советником представителя РСФСР на этот раз выступал Геллер. Шведскую сторону представляли премьер-министр и министр иностранных дел Брантинг, а также министр торговли Свенсен [Известия: 28.10.1921]. Переговоры проходили в здании шведского МИДа.

Советская делегация к переговорам оказалась подготовлена лучше. Уже на первом заседании Керженцев вручил Брантингу проект торгово-политического договора. Шведы изучали его две недели. Лишь 8 ноября 1921 г. Керженцев в телеграмме Чичерину (копия Ленину) сообщил о новой встрече с Брантингом. По словам советского дипломата, глава шведского правительства и МИДа «в обстоятельной беседе» еще раз заявил о готовности Швеции признать Советскую Россию де-юре, но при условии удовлетворения всех без исключения претензий, имеющихся у Стокгольма [ДВП СССР Т. 4: 486—487]. По итогам переговоров Брантинг обещал в ближайшее время предоставить собственный проект соглашения. Его представили советской делегации 11 ноября. Причем на этом этапе переговоров, согласно совместной телеграмме Литвинова и Керженцева, Брантинг не присутствовал. Помимо Свенсена на встречу прибыли 3 бывших министра — иностранных дел, торговли и юстиции [Там же: 491]. Шведы повторили свои условия, озвученные 8 ноября: признание де-юре советского правительства возможно только при оплате частных долгов и гарантированных заказов для шведской промышленности. Представители РСФСР обсуждать вопрос о частных претензиях отказались, после чего переговорщики перешли к обсуждению проблемы кредитов и признания. Литвинов и Керженцев позицию Стокгольма и свою обрисовали следующими словами: «Шведы ставят вопрос вполне ясно: мы вас признаем де-юре, если признаете претензии, а о кредитах договаривайтесь <...> с банками и промышленниками. <...> Наша постановка: гарантируем заказы, если дадите кредиты, а де-юре вытекает само собой, претензии же — вопрос международного значения и не может нами затрагиваться» [Там же: 492].

Обозначившиеся глубокие разногласия привели к тому, что советская и шведская делегации ограничились подготовкой не торгово-политического договора, а временного соглашения. Его подписание, по-видимому, ускорила подготовка к Генуэзской конференции, открытие которой было намечено на 10 апреля 1922 г. На форум пригласили РСФСР, и лидеры западных стран надеялись, что решения в Генуе откроют советский рынок и решат вопрос довоенных и военных долгов. Временный советско-шведский торговый договор был подписан 1 марта 1922 г. [Известия: 03.03.1922] и состоял из 17 статей. Согласно документу, официальный представитель советского правительства в Швеции (П.М. Керженцев) объявлялся единственным представителем России в этой стране. Он сам и его штат наделялись правами, которые обычно предоставляются дипломатам других держав и их персоналу. Советское правительство получало права юридического лица. Кроме этого, фиксировался взаимный отказ от конфискаций и ревизий и право граждан одной страны посещать другую по личным делам, «выступать там в судах и обращаться к властям» [Кан 1964: 78]. Подписание соглашения не означало вступление его в силу. Окончательную судьбу договора в Швеции должны были решить парламентская комиссия и обе палаты риксдага.

В политической элите единства по соглашению с Советской Россией не было. Лидер шведских либералов и экс-министр юстиции Йоанес Элиэль Лёвгрен, выступая в Гётенберге, заявил: «Швеция не должна спешить с заключением договора накануне Генуэзской конференции» [Там же]. Шведские газеты, поддерживавшие буржуазные партии, согласно «Известиям», в своем большинстве констатировали, что «договор является тем плохо замаскированным юридическим признанием Советской России, которого советское правительство сумело добиться от Швеции», что он «дает крупные политические преимущества и выгоды только России, преимущества же Швеции остаются на бумаге» [Известия: 09.03.1922].

Отмеченный мейнстрим у части шведской элиты не изменился даже после известия о заключенном 16 апреля 1922 г. в Рапалло советско-германском договоре. Комиссия риксдага 19 мая того же года проголосовала за отклонение договора (13 голосов — «за», 7 — «против»). Большинство депутатов парламента это предложение поддержало при голосовании 2 июня 1922 г.

Основными аргументами противников договора были следующие [Известия: 04.06.1922]:

1) Швеция не должна заключать договор накануне общеевропейской конференции по русскому вопросу (имелась ввиду сначала Гаагская конференция, открытие которой было назначено на 15 июня 1922 г.), чтобы не нарушать солидарности с другими странами в выработке единой позиции в отношении большевистского государства;

2) договор, являющийся «почти признанием де-юре советского правительства», дает больше выгод Москве, чем Стокгольму;

3) Швеция в своих уступках РСФСР пошла дальше других стран, что ослабляет ее возможности при обсуждении «русского вопроса» (вопроса о долгах);

4) принцип взаимности не применим там, где «отсутствует демократический правовой порядок и гарантии для иностранцев»;

5) договор не обеспечивает удовлетворения претензий шведов, проживавших в России, по возмещению понесенных ими убытков.

При всей критике соглашения с РСФСР от 1 марта 1922 г. шведские парламентарии не отвергали саму идею договориться с большевиками в будущем. Правда, только «на основе заключения большинства комиссии» [Там же].

Голосование в риксдаге 2 июня 1922 г. означало, что советско-шведские переговоры, длившиеся почти год, провалились. Москва не скрывала разочарования. 10 июня 1922 г. Керженцев в интервью корреспонденту газеты «Социал-Демократен» заявил: «Вследствие отказа риксдага от ратификации русско-шведского договора, отношения между Швецией и Россией естественно ухудшились... Советское правительство не откажется от новых переговоров со Швецией, но при этом выставит ряд предварительных условий» [Там же: 13.06.1922].

Вскоре РСФСР перешла к конкретным действиям. Правда, диалектического характера. С одной стороны, из Швеции был отозван советский дипломатический корпус, что означало разрыв в отношениях двух стран на межгосударственном уровне. С другой стороны, Москва не препятствовала развитию экономических отношений [РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1084: 8—9]. Учитывая номенклатуру экспортно-импортных товаров, Швеция и РСФСР были взаимно заинтересованными партнерами. Москва нуждалась в металлах, станках, машинах, двигателях, бумаге, предметах домашнего хозяйства и т. п., производимых в скандинавском королевстве. Стокгольм же был заинтересован в

российском сырье, полуфабрикатах и продукции сельского хозяйства. Играя на данном факторе, большевики нарочито демонстрировали развитие экономических связей с промышленно-развитыми странами, которые априори выступали конкурентами Швеции. В этой связи Стокгольм не могли не беспокоить новости о том, что 5 июня 1922 г. торговый договор с РСФСР подписала Чехословакия, а лидер французской радикальной партии Эдуард Мари Эррио — один из кандидатов на пост премьер-министра страны — в сентябре того же года посетил Россию. В итоге политика Москвы сработала. В феврале 1923 г. после почти восьмимесячной паузы шведское правительство Брантинга направило в Москву делегацию, в которую вошли упоминавшийся Э. Лёвгрен и генеральный консул И. Сакс. Цель их поездки — достижение договоренности о возобновлении прерванных переговоров [Известия: 09.02.1923]. Брантинг, получив информацию от этой делегации, 10 марта 1923 г. передал Керженцеву памятную записку для советского правительства, в которой предлагал урегулировать двусторонние отношения путем обмена нотами, что делало возможным заключение соглашения на следующих основаниях:

1) каждое из правительств примет официального представителя другой стороны, официальный представитель РСФСР в Швеции будет рассматриваться как единственный представитель России;

2) данные представители будут уполномочены выдавать, визировать паспорта и засвидетельствовать документы; они будут иметь право свободного общения со своим правительством и его органами;

3) официальный представитель одной страны, как и его персонал, будет пользоваться в другой стране полной неприкосновенностью личности, частного имущества, жилища и канцелярии;

4) каждая из сторон должна «воздерживаться от поддержания или поощрения “пропаганды”, направленной против учреждений другой страны» [ДВП СССР Т. 6: 375—376, 377—378].

После того, как записка Брантинга была уже в Москве, в Швеции произошла смена кабинета. Новое правительство 19 апреля 1923 г. возглавил профессор права, лидер консервативной Национальной партии Эрнст Трюгер. Портфель главы МИДа достался Карлу Фредрику Вильгельму Хедершерну. К этому времени произошли изменения и у советской стороны. Вместо Керженцева уполномоченным по ведению переговоров в статусе председателя советской торговой делегации в Швеции решением Политбюро ЦК РКП(б) был назначен Николай/Валериан Осинский (Валериан Валерианович Оболенский) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 351: 1]. Двадцать пятого июня 1923 г. он встретился с К. Хедершерном. Во время беседы глава МИД Швеции заявил, что он предложение Брантинга не поддерживает, и выразил пожелание вести переговоры «на других основаниях» [ДВП СССР Т. 6: 377]. Правда, на каких именно, не пояснил [Там же]. Чтобы понять позицию Стокгольма и выполнить пожелание Хедершерна о письменном ответе на вопросы, «затронутые в беседе» с Н. Осинским, последний 6 июля 1923 г. направил премьер-министру Э. Трюгеру ноту, в которой от имени правительства СССР изложил ответ Москвы на памятную записку Брантинга и одновременно варианты урегулирования отношений с Стокгольмом, которые предлагало большевистское руководство:

1) «Советское правительство согласно в любой момент начать переговоры» на базисе, достигнутом на переговорах с Керженцевым в 1922 г.;

2) «Если же этот базис не является приемлемым», руководство СССР «выражает согласие на заключение соглашения, подобного тем, какие уже

заключены им с Данией и Норвегией»; причем без каких-либо преимуществ для Швеции по сравнению с этими странами [Там же].

В заключение ноты от 6 июля 1923 г. Осинский просил Трюгера дать ответ «в письменной форме», 1) разъяснив позицию правительства относительно памятной записки Брантинга от 10 марта 1923 г. и 2) определив наиболее желательный базис и направления переговоров [Там же].

Затребованный ответ появился только 25 августа 1923 г. В нем МИД Швеции подтвердил правомочность устного заявления Хедершерна Оболенскому об отказе руководствоваться в своей политике запиской Брантинга. Далее министерство иностранных дел, указав, что еще не имело «случая передать своим коллегам по совету министров вопрос о том, каков может быть объем и содержание возможного соглашения с Россией», подчеркнуло: глава ведомства Хедершерна выступает за то, чтобы переговоры с Москвой проходили «на довольно широкой основе», и чтобы их результатом «могло быть урегулирование российско-шведских отношений». По характеру это могло быть торговое соглашение, но заключавшее «в себе, кроме того, особые условия, которых требовала бы ситуация» [Там же: 378].

Заявление МИД Швеции в практические шаги не переросло. По-видимому, из-за позиции главы Хедершерна, который, по мнению А.С. Кана, был ярким сторонником антисоветского союза с Финляндией [Кан 1974: 456]. Лишь после того, как Хедершерна покинул свой пост 11 ноября 1923 г., 17-го числа того же месяца по личному распоряжению короля Швеции Густава V была сформирована специальная комиссия для поддержания контакта с Оболенским.

Возобновившиеся переговоры наиболее интенсивно проходили в последние две недели ноября 1923 г. Камнем преткновения вновь стали требования шведской стороны. Стокгольм, не желая говорить о юридическом признании Советского Союза, пытался добиться от Москвы тех же льгот, «которые СССР предоставлял или намеревался предоставить в будущем государствам, признавшим его де-юре» [Шишкин 1991: 90; ДВП СССР Т. 7: 42].

Переговоры вновь затягивались. Тогда в дело вмешалось руководство НКВД. Заместитель наркома по иностранным делам Литвинов дал интервью газете «Известия», посвященное советско-шведским отношениям, которое было опубликовано 22 января 1924 г. В нем дипломат отверг аргументы-претензии Стокгольма к Москве. Так, в ответ на заявление Трюгера в риксдаге о том, что «Советская Россия будто бы первая взяла на себя инициативу разрыва сношений с Швецией в 1918 г., конфисковав здание шведского посольства», Литвинов заявил: «Здание шведского посольства в Петрограде не конфисковывалось и даже не подвергалось муниципализации ни до, ни после разрыва дипломатических сношений и отъезда из Петрограда шведского посланника» [Там же: 41]. В ответ на распространенное обвинение в преследовании шведов в большевистской стране Литвинов с явной долей лукавства заметил: «Ни шведы, ни другие иностранцы не подвергались в РСФСР никаким преследованиям, пока их правительства не порвали дипломатических сношений. Лишь по мере того, как отдельные страны стали участвовать в интервенции, в блокаде и других враждебных действиях против советских республик, принимались меры против граждан этих стран с целью предупреждения шпионажа, как это делается во всяком государстве, находящемся в состоянии войны» [Там же: 42].

В рассматриваемом интервью Литвинов не только опровергал, но и контратаковал. В частности, заявил, что Трюгер, приводя неверные факты, «пытается снять с Швеции ответственность за участие в блокаде и отвести

наши контрпретензии» [Там же]. Причем это происходит в то время, когда переговоры о торговом договоре близки к завершению. В заключении Литвинов предупредил Стокгольм: «У нас нет оснований платить Швеции премию за то, что она соглашается подписывать с нами соглашение позже всех и в то время, когда в порядке дня стоит уже вопрос о полном признании СССР. Мы надеемся, однако, что шведское правительство, учтя последствия вторичного срыва переговоров, поймет нелогичность и необоснованность своих экстремистских требований и не будет больше на них настаивать. Никаких других препятствий к немедленному подписанию договора больше нет» [Там же: 43].

Тон интервью Литвинова демонстрирует уверенность, за которой стояло реальное изменение международной обстановки, укреплявшее позиции Советского Союза. Это и подобные заявления достигали желаемого. В исследовании В.А. Шишкина приведено следующее донесение чехословацкого представителя в Швеции В. Радимского: «Русская делегация в Стокгольме дала ряд интервью, в которых не слишком дипломатично обращала внимание на невыгоды, вытекающие для Швеции из-за постоянного откладывания урегулирования отношений. Однако уже несколько месяцев между ними идут переговоры информативного характера... Глава нынешнего правительства неоднократно проявлял равнодушие и безразличие к переговорам, и социал-демократы утверждают, что он не имел бы ничего против того, чтобы переговоры кончились неудачей... В последнее время, однако, в этом вопросе начался поворот в том смысле, что правительство после аудиенции и закрытого совещания у короля не только не отказалось от прежней позиции о признании России де-факто, но и решило признать Советы де-юре. Утверждается, что официальное признание состоится в ближайшие дни» [Шишкин 1991: 91].

Совершенно очевидно, что главным мотивом в пользу такого решения были соображения экономического характера. Об этом убедительно свидетельствует речь Э. Лёвгрена 25 февраля 1924 г. в Линчипинге. Затронув вопрос о переговорах с СССР, он заявил, что для Швеции не так уж и важно, в какой форме произойдет нормализация отношений с Советским Союзом: на основе его признания де-факто или де-юре; разница здесь «гораздо меньше, чем многие полагают». Более важным является подписание, собственно, самого торгового договора, который и представляет «наибольший интерес» [Известия: 27.02.1924].

Пятнадцатого марта 1924 г. в истории установления советско-шведских отношений наступило давно ожидаемое событие. В этот день министр иностранных дел Швеции барон Эрик Теодор Маркс фон Вюртемберг в присутствии премьер-министра Э. Трюггера вручил полпреду СССР В. Осинскому ноту о признании Советского Союза де-факто и де-юре [ДВП СССР Т. 7: 153]. В этот же день было подписано советско-шведское торговое соглашение [Там же: 147—151]. Шестнадцатого марта 1924 г. нарком по иностранным делам СССР Чичерин направил шведскому правительству ноту, в которой уведомил, что советское руководство «с большим удовлетворением приняло к сведению» шведскую ноту о признании, одушевлено «желанием немедленно приступить к действительному установлению нормальных дипломатических отношений» и наделяет Осинского «впредь до окончательной организации представительства Союза полномочиями поверенного в делах» [Там же: 154]. В ответной ноте глава МИДа Швеции Э. фон Вюртемберг сообщил, что в СССР в качестве поверенного в делах назначен Карл Герхард фон Хейденстама, советник миссии в резерве, который в момент назначения возглавлял торговую делегацию Ассоциации шведских экспортеров [Там же].

Окончательная точка в истории признания Швецией Советского Союза де-факто и де-юре была поставлена 9 мая 1924 г. В этот день в Москве ЦИК СССР ратифицировал, а в Стокгольме король Густав V подписал торговый советско-шведский договор [ДВП СССР Т. 7: 151]. Обмен ратификационными грамотами состоялся на следующий день в столице Швеции. Как отмечал А.С. Кан, две страны «с различными социальными и экономическими системами» вступили в официальные межгосударственные отношения [Кан 1974: 456].

Список источников

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958—1963. Т. 2—7.
Известия: орган Центрального исполнительного комитета СССР и Всероссийского центрального исполнительного комитета, 1921—1924.
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Список литературы / References

- Жуковский Н. Дипломаты нового мира: очерки. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. 349 с. (Zhukovsky N. Diplomats of the New World: essays, 2nd ed., exp., Moscow, 1986, 349 p. — In Russ.)
- Иголкин А.А. Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. 2004. № 10. С. 18—54.
(Igolkin A.A. Lenin's People's Commissar: at the origins of Soviet corruption, *New Historical Bulletin*, 2004, no. 10, pp. 18—54. — In Russ.)
- Кан А.С. Новейшая история Швеции. М.: Междунар. отношения, 1964. 304 с. (Kahn A.S. The modern history of Sweden, Moscow, 1964, 304 p. — In Russ.)
- Кан А.С. История Швеции. М.: Наука, 1974. 720 с. (Kahn A.S. History of Sweden, Moscow, 1974, 720 p. — In Russ.)
- Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: Рос. госуд. гуманитар. ин-т, 1999. 359 с. (Kahn A.S. Sweden and Russia in the past and present, Moscow, 1999, 359 p. — In Russ.)
- Ловцов Л.В. Политика военного коммунизма и железнодорожный транспорт (1918—1920 гг.). М., 1990. Рукопись, депонированная в ИНИОН. № 43633 от 08.01.91. 380 с. (Lovtsov L.V. The policy of war communism and railway transport (1918—1920), Moscow, 1990, The manuscript deposited in INION, no. 43633, dated 08.01.91, 380 p. — In Russ.)
- Революция и гражданская война в России: 1917—1923 г.: энциклопедия: в 4 т. М.: Терра, 2008. Т. 1. 560 с. (Revolution and Civil War in Russia: 1917—1923: encyclopedia in 4 volumes, Moscow, 2008, vol. 1, 560 p. — In Russ.)
- Черноперов В.Л., Решетов Е.А. Из истории советско-шведских военных связей в 1920-м — 1930-е годы // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 3. С. 110—124. (Chernoperov V.L., Reshetov E.A. From the history of Soviet-Swedish military relations in the 1920s—1930s, *Bulletin of the Bryansk State University*, 2024, no. 3, pp. 110—124. — In Russ.)
- Шишкин В.А. В борьбе с блокадой: о становлении советской внешней торговли. М.: Политиздат, 1979. 112 с. (Shishkin V.A. Fighting the blockade: the emergence of Soviet foreign trade, Moscow, 1979, 112 p. — In Russ.)
- Шишкин В.А. Антисоветская блокада и ее крушение. Л.: Наука, 1989. 206 с. (Shishkin V.A. The anti-Soviet blockade and its collapse, Leningrad, 1989, 206 p. — In Russ.)
- Шишкин В.А. Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924—1929 гг.). СПб.: Наука, 1991. 437 с. (Shishkin V.A. The price of recognition: The USSR and Western Countries in search of a compromise (1924—1929), St. Petersburg, 1991, 437 p. — In Russ.)

THE STRUGGLE OF RSFSR/USSR DIPLOMATS FOR RECOGNITION THE SOVIET STATE BY SWEDEN IN 1920—1924

Egor A. Reshetov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, girlanda1999@mail.ru

Abstract. The article examines the little-studied history of the establishment of official Soviet-Swedish diplomatic relations in 1924. Special attention is paid to the efforts made by officials of the RSFSR/USSR to establish relations with the Kingdom of Sweden, starting in 1920. The role of Soviet diplomats M.M. Litvinov, P.M. Kerzhentsev, and N. Osinsky (V.V. Obolensky) in this process is noted. The obstacles to the bilateral dialogue are highlighted. The dynamics and stages of the change in the position of the Swedish ruling elite on the issue of de jure recognition of the RSFSR/USSR during the years 1920—1924 are shown. In particular, the change in the views of the leaders of the influential Swedish Social Democratic Party in the kingdom, led by K.J. Branting. The article is partly based on archival materials, which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: L.B. Krasin, M.M. Litvinov, P.M. Kerzhentsev, V. Osinsky (V.V. Obolensky), K.J. Branting, E. Tryger, Gustav V

For citation: Reshetov E.A. The struggle of RSFSR/USSR diplomats for recognition the Soviet state by Sweden in 1920—1924, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, issue 2. p. 112—122.

Статья поступила в редакцию 26.01.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 26.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Решетов Егор Андреевич — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, girlanda1999@mail.ru, SPIN: 6261-7970

Reshetov Egor Andreevich — postgraduate student, Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, girlanda1999@mail.ru